

«Мы были сверстниками, посвященными в некую тайну»

Всеволод Гаккель, виолончелист группы «Аквариум», основатель легендарного клуба ТаМТам, сейчас работает продакшн-менеджером в клубе «А2», является продюсером международного проекта Valcony TV в Санкт-Петербурге. Его детство прошло в Белоострове, куда он по-прежнему часто приезжает на дачу к родственникам.

— Всеволод, вы прекрасно знаете историю своей семьи. Расскажите о ней.

— Я знаю историю своих родственников до прадеда. Вообще Гаккель (Haskell) — это самая обыкновенная среднестатистическая немецкая фамилия. Мои немецкие предки приехали в Россию еще во времена Екатерины. В основном они были военными. На Волковском лютеранском кладбище сохранилось большое семейное захоронение, есть могилы, датированные серединой XIX века, на которых все написано на немецком языке.

Мой прадед, Модест Васильевич (Вильгельмович) Гаккель, был инженер-генералом. Когда немцы женились на русских красавицах, то переходили из лютеранства в православие. Их крестили и нарекали русскими именами, как я могу судить по метрикам. Прадед строил маяки на Дальнем Востоке, в Уссурийском крае, и установил там первый маяк, может быть, самый восточный на территории России. На берегу залива Посьета есть мыс Гаккеля, в честь моего прадеда названы и два острова — Большой и Малый Гаккель.

Дед, Яков Модестович Гаккель, был инженером. На заре авиации он был просто захвачен идеей воздухоплавания и сконструировал девять моделей самолетов. В 1911 году его самолет «Гаккель-7» получил серебряную медаль на Первой международной воздухоплавательной выставке Императорского русского технического общества в Санкт-Петербурге, а в 1912 году самолет «Гаккель-9» получил золотую медаль на Международной выставке воздухоплавания в Москве. Теоретически шел разговор о том, чтобы перед Первой мировой войной самолет «Гаккель-9» был принят военным ведомством к серийному производству, но помешало сильное военное лобби. К тому же последний самолет сгорел вместе с ангаром и со всей мастерской. Все это Яков Модестович делал за свои деньги и в единственном экземпляре, поэтому больше мой дед в воздух не поднялся — не осталось средств. Уже в советское время он сконструировал первый отечественный тепловоз «ГЭ-001», который сейчас стоит в музее на Варшавском вокзале.

Мой отец, Яков Яковлевич Гаккель, был известным океанографом, который принимал участие во всех наших экспедициях на Северный полюс, в том числе на ледоколах «Сибиряков» и «Челюскин». По тем временам это было все равно что в космос полететь. Летчики, участвовавшие в спасении челюскинцев, стали первыми Героями Советского Союза. Дом, в котором я родился, считался домом челюскинцев, потому что им дали в нем квартиры, в нем я живу и по сей день.

Именем моего отца назван подводный хребет в Северном Ледовитом океане. Также в честь моего отца и деда названа Гаккелевская улица в Приморском районе Санкт-Петербурга.

— Как ваши родители относились к роду вашей деятельности?

— Моя семья в первую очередь — это моя мама. Отец умер очень рано, когда мне было 12 лет и я учился в музыкальной школе по классу виолончели. Маме, когда умер отец, было 48 лет. Она стала религиозной и набожной, и вся ее последующая жизнь была связана с церковью. Но что бы ни происходило в семье со мной и моими двумя старшими братьями, она никогда не вмешивалась в нашу жизнь, не давала никаких оценок, что бы мы ни делали. А ведь с моим появлением группа «Аквариум» практически переместилась ко мне домой.

Например, на майские праздники мы с Бобом (Борис Гребенщиков. — Прим. авт.) могли вынести на балкон проигрыватель, постелить циновку и слушать The Beatles, альбом Revolver, да так, что было слышно на всю округу. А в это время мама приходила из церкви и пила чай на кухне со своими «старушками» — по иронии, называя ее старушкой, я забываю, что тогда она была моложе, чем я сейчас.

Тогда у меня дома был бесконечный про-

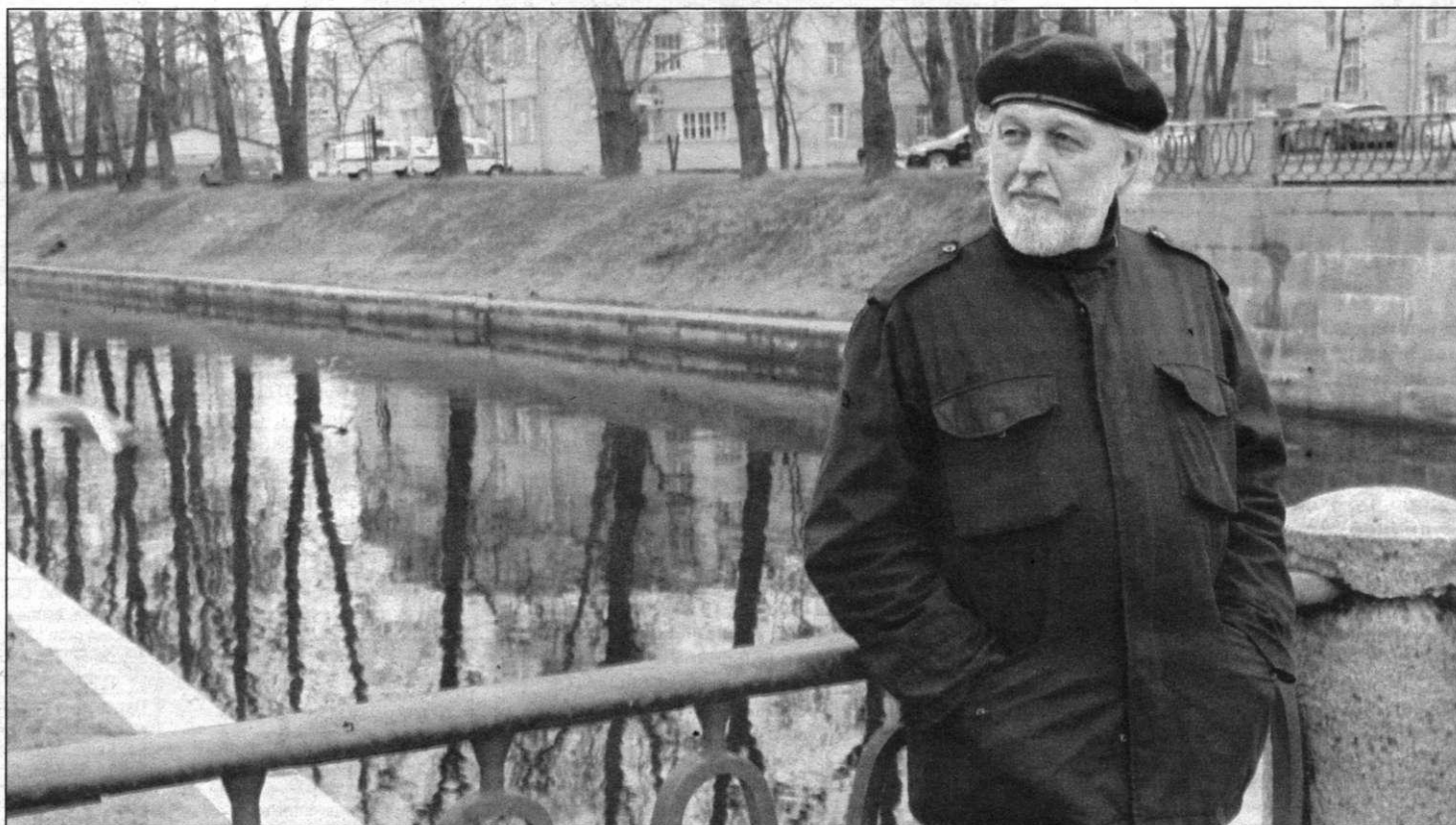

Фото Евы КУЛИГИНОЙ

ходной двор, репетиции, громкое слушание музыки «на радость соседям». Но никто не роптал, у меня не было ни одного семейного скандала на почве моего образа жизни. Правда, иногда соседи стучали по батарее. Потом, уже в конце восьмидесятых, когда группа стала известной, они даже стали гордиться таким беспокойным соседством.

— Считается, что ваше дебютное выступление в группе «Аквариум» состоялось на пляже в поселке Ольгино 2 мая 1975 года.

— Это произошло случайно. В марте я познакомился с группой, которая на тот момент состояла из Боба и Миши Файнштейна. Где-то в апреле мы уже репетировали, сугубо у меня дома. В одной из комнат жил брат с семьей, у него был стереопроектор «Вега», через который мы могли включить бас. С моим участием мы сделали несколько песен, в которых были абсолютно уверены и могли играть их в любом месте. Правда, никто не задавался вопросом, как это все подзвучить, — песни вдруг стали приобретать совершенно неожиданную форму. До этого, без ложной скромности могу сказать, применение такого инструмента, как виолончель, в контексте рок-музыки не имело прецедентов.

В тот момент «Аквариум» зацепился в рок-рольной среде, которая в нашем городе состояла, может быть, из 10–15 групп — «Аргонавты», «Санкт-Петербург», «Мифы», «Большой железный колокол» и каких-то еще, которые были чуть постарше нас. Это сейчас мы все стали сверстниками, но тогда для нас они были недостижимыми величинами. Все пересекались на общей территории «Сайгона», и постепенно «Аквариум» смог занять свою нишу.

И вот кем-то был объявлен очередной «фестиваль» в малом зале ДК им. Ленсовета. Все фестивали той эпохи имели гипертрофированную форму, в лучшем случае в них участвовало человек 200, и никто не знал, будет ли нужный аппарат, а о таком понятии, как саундчек, мы вообще не подозревали. Когда мы приехали, то ДК им. Ленсовета оказался закрыт, и ребята из группы «За» предложили поехать в Ольгино, где они играли на танцах в местном ДК. Вся толпа постепенно рассосалась, и до Ольгино из города доехало человек 50. Тут же появились комитетчики, все закрыли, и весь народ пошел на залив и расположился на каких-то бревнах. Бывают такие дни в мае, когда тепло, как летом, и можно бродить по воде. Это было очень романтично. Мы сыграли несколько песен, и это было объявлено как первый концерт с моим участием.

— Какими людьми были в то время?

— Предыдущее поколение романтиков-шестидесятников ходило в походы. И было интересно наблюдать, когда они пели в электричках песни Аркадия Северного, Владимира Высоцкого. Запах мокрых палаток, резиновых сапог. Но мы были другими и даже

выглядели иначе — для всех в первую очередь мы отличались длинными волосами. Со времен Вудстока была такая категория beautiful people, flower power — цветочное движение, и вся романтика этого движения конца 1960-х проявилась как раз на таких концертах. Когда вся эта публика приходила на сейшен, это было достаточно живописно и производило впечатление. И это выпадало из контекста советской системы.

— В 1999 году вышла ваша книга «Аквариум как способ ухода за теннисным кортом».

— Это название содержит в себе формулу, которую я сейчас для вас распутую. Во времена моей юности я слепо следовал всему, что предлагал мне мой друг Боб, который был своего рода учителем и наставником. Он был невероятно эрудированным человеком во всех областях, в первую очередь в литературе и поэзии, он все время что-то читал. Когда я приходил с работы, Боб сидел у меня во дворе и читал. Мы быстренько перекусывали и либо начинали играть, либо ташились в «Сайгон».

Вообще, с момента знакомства с Бобом у меня было полное ощущение найденного. Я перестал что-либо искать, было абсолютное наполнение. В тот момент он стал подкидывать мне книги на английском языке, и я пристрастился к чтению (все-таки у меня за спиной была английская школа). И вот мне попала книга Роберта Пирсинга «Дзен и искусство ухода за мотоциклом». В этом названии была некая формула, я несколько раз пытался читать эту книгу, но ничего не понимал: простое повествование, из которого нельзя понять, что произойдет в конце. И когда через 25 лет я сам написал книгу, вроде бы ни о чем, то мне захотелось использовать эту формулу и назвать ее «Способ ухода за теннисным кортом». Но мой издатель настаивал, чтобы в названии было слово «Аквариум», потому что книгу надо было продавать. И я всего лишь добавил это слово. Расшифровать название этой книги может только один человек из нашей среды — это Боб.

— Борис Гребенщиков прочитал эту книгу?

— Я ее ему подарил. Он говорит, что читать не стал. Он был уязвлен. Обычно все интервью от лица группы давал он, и вся история группы излагалась так, как она была видна с его стороны. С моей точки зрения, это было большой его ошибкой. Он, безусловно, является автором всех песен и центральной фигурой, но любая группа состоит не только из человека, который ее основал и оказался в ее центре.

Я очень хорошо знаю историю рок-музыки вообще, читал жизнеописание всех канонических групп. Когда в 1988 году у Боба начался сольный проект, история «Аквариума» была завершена, по крайней мере для меня. И впоследствии, неважно по каким причи-

нам, назвав свой новый состав «Аквариумом», он пренебрег всеми нами и всем тем, что для нас было дорого. Получается, что нашим прошлым мог распорядиться только он. Мы все остались друзьями, но маленький момент досады и разочарования остался. Мы были сверстниками, посвященными в некую тайну, и отдавались ей с полной самоотдачей. И сейчас даже невозможно представить, как можно было все это делать в таких условиях.

Современная же группа, которая и поныне претерпевает изменения в составе, — это другая группа, записывающаяся в «заморских» студиях и работающая за адекватные деньги, они — профессионалы в самом хорошем смысле этого слова. Тот период, когда делались любительские записи, не имеет смысла сравнивать с тем, как группа с таким же названием делает это сейчас.

— Что связывает вас с Курортным районом?

— В первую очередь, мое детство прошло в Белоострове, и мы с друзьями часто на велосипедах ездили на залив. А во времена моего знакомства с группой первые 2–3 года мы провели на берегу залива, на так называемом острове Сент-Джорджа. Его «открыл» Джордж Гуницкий (поэт, журналист, один из основателей группы «Аквариум» и первый ее ударник. — Прим. авт.), поэтому он был назван его именем. Мы были в то время романтичными юношами и всему давали названия. Этот остров находится между двумя излучинами реки Сестры, между Курортом и Дюнами. В то время это было совершенно дикое место без признаков пребывания человека, и там не было ни одного сооружения. Мы не разбивали лагерь, не жили в палатках, но все теплые летние дни по возможности проводили там. Надо было лишь перейти вброд речку со стороны Курорта. Через какое-то время там стали строить санаторий, потом кафе и рестораны, и это место для нас было безвозвратно потеряно.

Для меня побережье Финского залива за дамбой, начиная от Александровской, было всегда более понятным, чем со стороны Стрельны и Петергофа. Потому что именно с этой стороны, как любит говорить моя дочь, «солнышко можно сажать в море». Я стараюсь вести подвижный образ жизни и каждое лето по-прежнему совершаю велосипедные экспедиции, по возможности исследуя новые маршруты. Не мыслю своего существования без выхода на берег залива. И как только пригревает первое солнышко, в городе меня не удержать.

Беседовала
Татьяна АЛЕКСЕЕВА

От редакции

Поздравляем Всеволода (Сеvu) Гаккеля с днем рождения. 19 февраля ему исполняется 62 года. Желаем дальнейших творческих успехов.